

ОБАЗОВАНИЕ ДЛЯ ДИПЛОМАТА: ДОЛЖНОЕ ИЛИ СУЩЕЕ?

Т.В. Панфилова, А.Н. Самарин, Н.Ф. Желудова

Аннотация. Дипломат находится в противоречивом положении: с одной стороны, он – госслужащий, обязанный выполнять распоряжения начальства; с другой стороны, он – полномочный представитель России в другой стране, поэтому он должен быть готов осмысленно и ответственно выполнять свои обязанности.

Двойственность положения требует, чтобы дипломат был широко образованным человеком, способным отстаивать интересы России на международной арене. Абитуриенты, как правило, не осознают эти сложности. Они поступают в МГИМО, руководствуясь прагматическими соображениями в соответствии с идеалами потребительского общества, навязываемыми молодому поколению через СМИ. На долю преподавателей МГИМО выпадает дополнительная обязанность воспитывать у студентов уважение к содержательному мышлению, учить студентов мыслить в понятиях. Центральным звеном образования для дипломата должна быть мировоззренческая подготовка. Однако реформа высшего образования не содействует решению этой задачи. Внедрение Болонской системы подрывает саму основу высшего образования как качественно нового уровня подготовки специалистов. Преподаватели поставлены в конфликтную ситуацию: в качестве сотрудников МГИМО они обязаны выполнять требования Минобра, предусматривающие дальнейшую формализацию учебного процесса, однако опыт работы со студентами подсказывает преподавателям, насколько пагубна подобная практика.

Требуются кардинальные изменения политики в области образования. Центр тяжести всей работы университета должен сместиться на учебный процесс, в котором предусматривалось бы время на индивидуальную и групповую работу со студентами. Такая работа не поддаётся формализации, но требует от преподавателя значительно больших затрат времени и сил и поэтому должна более высоко оплачиваться безотносительно к формальным показателям. Приоритет в выработке количественных и качественных показателей работы преподавателей должен отдаваться научно-преподавательскому сообществу, а не чиновникам. Пока же наше государство выражает интересы скорее чиновничества, нежели рядовых граждан.

Ключевые слова. Дипломат, государственный служащий, самостоятельное мышление, способность принимать решения, общегосударственный интерес, реформа образования, политика в области образования.

Проводимая в России реформа образования приносит свои плоды, с точки зрения авторов настоящей статьи, исключительно отрицательные, о чём неоднократно заявлялось ими (и не только ими) в предыдущих публикациях. Приходится, однако, учитывать, что негативная оценка реформ – не единственная: у реформ есть защитники, с аргументами которых нельзя не считаться. К тому же отрицательное отношение к реформированию образования в целом не исключает возможности чего-то положительного в отдельно взятых отраслях образовательной системы. В данном случае речь пойдёт об образовании для дипломатов: а вдруг именно в этой части системы высшего образования реформа принесла положительные плоды? Постараемся разобраться в том, отвечают ли потребностям страны требования, предъявляемые современному российскому дипломату, и насколько учебный процесс, реализуемый в МГИМО, содействует подготовке дипломатов современного уровня. Если МГИМО справляется с подготовкой кадров для МИД, надо ли что-то менять в нашей системе обучения, тем более предлагать основательные изменения в области образовательной политики? Попробуем разобраться.

Образование призвано обеспечить будущего дипломата необходимыми для работы знаниями и умениями. Вряд ли кто-то будет возражать против такой обобщённой формулировки. Но в вопросе о том, какими именно знаниями и навыками должен обладать дипломат, мнения наверняка разойдутся. На то есть как субъективные, так и объективные причины. Не будем касаться субъективных пристрастий. Обратимся к объективной причине расхождения мнений, каковой является противоречивое положение дипломата. С одной стороны, дипломатия не без оснований считается «искусством возможного», и в этом отношении дипломатическая деятельность сродни художественному творчеству. С другой стороны, дипломат – государственный служащий, включённый в иерархическую систему, цель которой, да и структура, утверж-

даются на правительственном уровне. В этом смысле дипломат предстаёт как исполнитель предписанных ему функций.

Совместимы ли эти две ипостаси? Да и надо ли их совмещать? Может быть, честнее было бы признать, что «искусство возможного» – это всего лишь «фигура речи», прикрывающая и приукрашивающая суровую действительность, в которой нет места творческим порывам сотрудников дипломатического ведомства? Может быть, им достаточно действовать в соответствии с указаниями вышестоящего начальника, которому виднее, что в интересах государства, а что нет? Наблюдая происходящее в мире, невольно начинаешь склоняться к такой позиции: занимались бы дипломаты своим делом, причём добросовестно – и всё будет хорошо!

Но иной раз возникают мысли противоположного свойства, особенно когда российская дипломатия оказывается не на высоте. Например, как оценить работу нашей дипломатической миссии на Украине в последние годы? Почему Россия оказалась не готова к драматическому повороту событий у наших ближайших соседей? Ведь, как теперь выясняется, и «оранжевая революция», и свержение правительства В. Януковича долго и тщательно готовились, причём как внутри Украины, так и за океаном. Неужели наши дипломаты ничего не видели? А если видели, почему не предприняли никаких мер противодействия нежелательным для России процессам? Например, почему средства, выделявшиеся из российского бюджета на поддержание отношений с Украиной, доставались организациям антироссийской направленности, тогда как дружественные России объединения не получали даже моральной поддержки с российской стороны, не говоря уже о материальной? Представители власти наверняка пожалуются на то, что, находясь в Москве, не в состоянии были определить, кто нам друг, а кто враг на Украине. Но разве не для того сидят чиновники на местах, чтобы разбираться в местных тонкостях?

Можно сослаться на то, что, как и во времена Н.Е. Салтыкова-Щедрина, если чиновник чего-то не сделал, значит, на то приказа не было. Но не пора ли ставить вопрос по-другому: госслужащий – это беспрекословный исполнитель начальственных приказов – и только, или это личность, осмысленно и ответственно выполняющая свои обязанности? Ведь если он – дипломат – и не разберётся в особенностях местной обстановки, то больше некому. Если он – дипломат – и не предложит обоснованных мер противодействия негативным процессам, происходящим в стране, в данном случае на Украине, мер, которые бы отвечали интересам и самой России, и дружественному нам населению Украины, кто сможет это сделать?

Возможно ли такое нестандартное отношение к своим обязанностям? Давайте вспомним Е.А. Примакова, его знаменитый «разворот самолёта». Кто рискнёт сказать, что Примаков не выполнил возложенную на него миссию? Блестяще выполнил в полном соответствии с интересами страны, но под свою ответственность, не ожидая приказа сверху. Все ли дипломаты готовы принимать судьбоносные решения под свою ответственность? Да и все ли должны быть к этому готовы? Вот когда мы подходим к реальным проблемам образования и воспитания дипломатов.

Заметим, что эти проблемы имеют как объективную, так и субъективную стороны. К объективной стороне вопроса отнесём требования, предъявляемые сотрудникам МИД, – требования, в свою очередь, не произвольно принятые, а соотносённые с задачами, которые руководство страны ставит перед внешнеполитическим ведомством. Учтём и то, что МИД представляет собой бюрократическую иерархию, обладающую собственной спецификой, с чем не может не считаться каждый, вступающий в неё. К субъективным основаниям возникающих проблем отнесём мотивы, которыми руководствуются абитуриенты при поступлении в МГИМО, и ожидания его выпускников.

Одна из наиболее «броских» проблем такого рода связана с тем, что МГИМО готовит, с одной стороны, специалистов по определённым регионам – и в этом их уникальность; с другой стороны, универсальных чиновников, способных занимать любую должность в существующей иерархии. Универсальность имеет свои преимущества, но есть в ней и «подводный камень»: она настраивает выпускника на то, что тот способен занять самый высокий пост в МИД, наиболее престижный и высокооплачиваемый, тогда как в действительности он получит для начала второстепенную должность – не самую престижную и не самую высокооплачиваемую. На ней ему ещё предстоит накопить опыт работы как с представителями других государств, так и с коллегами по внешнеполитическому ведомству. В результате выпускник МГИМО, особенно если он с отличием окончил институт, испытает разочарование, почувствовав себя исполнителем чужой воли и не имея возможности развернуть свой творческий потенциал. К тому же пострадает его самолюбие от сознания того, что он – всего лишь рядовой чиновник, каких множество, а вовсе не «вершитель судеб человечества», каковым ему хотелось бы себя чувствовать.

Если бы выход из затруднительного положения состоял в том, чтобы какой-то элемент образования усилить или какую-то особенность иерархической системы сгладить, наверное, можно было бы ограничиться некоторыми практическими рекомендациями, не меняющими ничего по существу. В действительности мы имеем дело с куда более глубокими проблемами, связанными, с одной стороны, с содержанием внешней политики России, для осуществления которой нужно образование соответствующего уровня; с другой стороны, с особенностями жизни внутри страны: её социальным расслоением, безработицей, наличием или отсутствием перспектив для подрастающего поколения в том или ином регионе, идеологическим воздействием со стороны СМИ и вытекающими отсюда представлениями молодёжи о желатель-

ном для неё будущем. Здесь-то и коренятся все наши проблемы.

Понятно, что формирование внешне-политического курса страны не входит в нашу – преподавателей МГИМО – компетенцию. Однако в наши обязанности входит подготовка студентов к тому, что они – студенты – должны хотеть и уметь участвовать в выработке представлений о том, что такое общегосударственные интересы и как их защищать на международной арене. Готовы ли студенты к такому обороту дела? Сплошь и рядом не только не готовы, но и, как правило, не задумываются об этом.

Они поступают в МГИМО, чтобы получить добротное образование, дающее возможность занять престижную и хорошо оплачиваемую должность. Связана ли она с защитой интересов страны, да ещё и с собственной ответственностью за принимаемые решения, для многих студентов вопрос «потусторонний». Они, чаще всего, руководствуются прагматическими соображениями в соответствии с идеалами потребительского общества, навязываемыми молодому поколению через СМИ. «Сегодня, подчиняясь требованиям времени, большинство молодых ищет в вузах не знания, а избавление от военной службы и корочки диплома...» [Бояринцев, 2010: 64]. Не стоят особняком в этом отношении и абитуриенты МГИМО.

Школа же, подвергшаяся (и всё ещё подвергающаяся) разрушительным реформам с помощью таких средств, как подушевое финансирование, ЕГЭ, вымывание из школьных программ элементов воспитательного воздействия и пр., не в состоянии противодействовать господствующей потребительской идеологии. Больше того, введение ЕГЭ прямо подыгрывает потребительским настроениям. «Ведь ЕГЭ ориентирует будущего абитуриента в лучшем случае на запоминание учебного материала, в худшем – на умение выбрать из нескольких вариантов правильный, но никак не на самостоятельное мышление. В результате выпускники школ получают ложную установку: они поступают в институт уверенные в

том, что процесс обучения сводится к получению информации, которой они пока не располагают, и дело преподавателя – объяснить, где и как её найти. Простейшее задание: сопоставить два высказывания самого же студента или логично увязать их между собой, – ставит многих студентов в тупик» [Панфилова, 2010: 70]. Последние слова прямо выражают опыт общения со студентами МГИМО.

В отношении к образованию и науке руководство России оказалось, к сожалению, очень последовательным: осуществив деиндустриализацию страны и переместив её в разряд стран третьего мира, оно реформирует эти сферы так, чтобы привести их в соответствие с положением России как третьеразрядной державы. Один из наших прошлых министров образования А. Фурсенко прославился не только возмутительным призывом воспитывать не творцов, как бывало в советской системе образования, а потребителей достижений, созданных другими; он успел выступить с не менее скандальным рассуждением о пределах необходимости «рассуждать»: «В журнале «Итоги» министр писал, что рабочий на конвейере не должен рассуждать, он должен делать то, чему его научили. Иными словами, обучать обитателей сырьевой колонии – России следует лишь настолько, чтобы они смогли открывать задвижки на трубопроводах и торговать западным секонд-хэндом» [Бояринцев, 2010: 64].

На первый взгляд может показаться, будто наших студентов это высказывание не касается: они же не «рабочие на конвейере»! В действительности же оно касается всех, ибо и будущий рабочий, и будущий студент сначала проходят обучение в «реформированной» школе, в которой получают соответствующий настрой, увы, не совместимый с задачей выработать самостоятельное мышление. В сложившихся условиях на долю преподавателей МГИМО выпадает дополнительная обязанность воспитывать у студентов уважение к содержательному мышлению, учить студентов мыслить в понятиях, прививать им ответственное отношение

как к процессу получения знаний, так и к дальнейшему их использованию.

В какой мере реформа высшего образования содействует решению этих задач? Что в этом отношении помогает преподавателям, а что мешает? Казалось бы, разделение студентов на бакалавров и магистров в соответствии с требованиями Болонской системы – это путь к решению упомянутой выше проблемы деления выпускников на, условно говоря, «исполнителей» и «творцов». На самом же деле внедрение Болонской системы в существовавшую ранее систему высшего образования в России подрывает саму основу высшего образования как качественно нового уровня подготовки специалистов. На примере МГИМО это особенно ясно видно. Ведь одним из доводов сторонников Болонской системы является возможность обмена студентами из разных стран.

Виданное ли это дело, чтобы страна готовила дипломатов не для себя, не для защиты собственных интересов, а «дипломатов вообще» безотносительно к тому, чьи интересы они собираются отстаивать? Можно ли вообразить, скажем, американского «дипломата вообще», готового с пониманием отнестись к тому, что его партнёр по переговорному процессу представляет интересы какой-то страны, имеющей собственную позицию, отличную от американской. Да вся американская дипломатия работает по принципу жёсткого навязывания своих представлений об устройстве мира. Если собеседник не согласен, значит – считает американский дипломат – меры воздействия на него были недостаточны, надо их усилить.

Не будем призывать российских дипломатов следовать принципам американской дипломатии. Если пришлось на неё сослаться, то с единственной целью – показать абсурдность требования готовить в российских вузах высококлассных специалистов для того, чтобы те могли покинуть страну и работать, кому как повезёт: кто-то будет работать на себя, кто-то – на науку, а кто-то – против страны, бывшей некогда ему родной.

А ведь есть западный опыт, на который имело бы смысл опереться. Как показывают исследователи, во Франции правительственные структуры, включая министерство образования, традиционно уделяют большое внимание не только тому, чтобы любой специалист с высшим образованием был способен к самостоятельному анализу сложившегося положения вещей и к выработке рекомендации по её разрешению, но и к тому, чтобы он выступал проводником европейских ценностей. «Если у молодых людей, вступающих во взрослую жизнь, пусть даже у некоторых, оказались сформированы навыки самостоятельного мышления, способности наблюдать, находить и определять проблемы, ставить и решать конкретные задачи, то, очевидно, у них и у общества, в котором они будут действовать, имеется больше возможностей быть более эффективными. Это постоянно декларируется на политическом уровне как основная цель» [Литвак, 2014: 85].

Обращает на себя внимание то, что таковы декларации «на политическом уровне». Значит, руководство страны понимает, что речь идёт о будущем Франции – их родины, интересы которой являются и их собственными интересами тоже. Больше того, министерству образования Франции, видимо, представляется само собой разумеющимся, что каждый образованный человек должен понимать, какую систему ценностей он представляет. Отсюда и требования к учебникам. «Во введении к своему учебнику Ж. Рюсс и К. Бададь-Лёгиль, например, прямо пишут, что используемый ими материал, особенно по современной философии, представлен мыслителями, внёсшими фундаментальный вклад в западную философию. То есть, таким образом реализуется задача воспроизводства именно западной философской традиции, западного образа мышления, западных ценностей» [Литвак, 2014: 85].

К сожалению, столь серьёзное отношение к философии отечественному Министерству образования не свойственно. Напротив, оно обязывает нас – препода-

вателей МГИМО, – следовать выше описанному абсурду и даже «повышать его эффективность». Если абсурд пока ещё не восторжествовал, то только благодаря глухому и каждодневному сопротивлению, которое оказывают преподаватели навязываемым сверху мерам по его внедрению. Почему сопротивление названо «глухим»? Да потому, что сомнения в целесообразности распоряжений чиновников от образования, а тем более возражения против них изначально исключены. «Для реализации разработанной стратегии в области образования сформирован специальный аппарат чиновников, получивших власть над другими участниками образовательного процесса в силу приданных ему управленческих функций. Тем самым образовательный процесс выводится из-под влияния лиц, непосредственно задействованных в нём и кровно заинтересованных в его совершенствовании» [Панфилова, 2010: 6].

Преподаватели поставлены в конфликтную ситуацию. С одной стороны, в качестве сотрудников МГИМО они обязаны выполнять требования Минобра, сколь бы абсурдными те ни были, – требования, предусматривающие дальнейшую формализацию учебного процесса. Это на языке чиновников называется «повышением эффективности» и, в свою очередь, обеспечивает перенаправление деятельности преподавателя с непосредственной работы со студентами на то, чтобы подогнать свою работу под некоторые надуманные критерии, типа «эффективного контракта» или участия в какой-нибудь международной системе индексирования.

Но, с другой стороны, опыт работы со студентами подсказывает преподавателям, насколько подрастающее поколение нуждается в неформальном общении, причём, в первую очередь, по тем мировоззренческим вопросам, которые по идее должны бы входить в курс философии, но которые упорно из него изымаются под предлогом «оптимизации». Похоже, для Минобра оптимальными представляются учебные курсы, в которых личностное участие преподавателя

сведено к минимуму, например, компьютерное обучение. Представляете, какая экономия средств на зарплатах преподавателей была бы достигнута? А все сэкономленные средства можно будет распределить между чиновниками Минобра в качестве премий за «повышение эффективности» образования.

Вы спросите, какой толк от всех этих ухищрений для образования студентов, в данном случае – будущих дипломатов? Преподаватели давно уже не задаются подобными вопросами. Им понятно, что идёт целенаправленное разрушение высшего образования в традиционном смысле слова, низведение его до простого набора знаний, необходимых для выполнения некоторых профессиональных функций. Каких именно? – Это определит вышестоящее начальство в соответствии с местом, которое предназначено России на международной арене. Если же судить не по риторике наших властей, а по реальным делам, особенно внутри страны, правительство России по-прежнему считает свою страну сырьевым придатком других, более могущественных стран.

Раньше это был безоговорочно Запад. Теперь речь может идти и о некоторых сильных восточных соседях. Суть дела от этого не меняется: зачем «сырьевому придатку» образовательная стратегия, предусматривающая воспитание самостоятельно мыслящих дипломатов? Ведь они – чего доброго – начнут вносить свои коррективы во внешнюю политику, то есть творчески и ответственно отнесутся к проводимому внешнеполитическому курсу. В России же продолжает работать порочный для высшего образования принцип готовить не творцов, а потребителей. Что особенно поразительно, этот порочный принцип продолжает применяться, несмотря на всестороннюю критику его со стороны научной и педагогической общественности и вопреки неоднократным заявлениям высшего руководства страны о необходимости технологического прорыва. Но хотя разговоры об «инновационном развитии» не утихают, разгром Академии наук и превращение её в любительский клуб свидетельствуют

о том, что появление новых технологий по-прежнему связывается с призрачной надеждой получить их из-за границы. Что ж, в очередной раз будем надеяться, что «заграница нам поможет».

Пока российские олигархи и обслуживающие их власти считают, что всё продаётся и всё покупается, вопрос о государственных интересах будет переводиться в рыночную плоскость: кто из «сильных мира сего» эти интересы определяет и по какой цене готов продать. В самом деле, как выразился один из наших прошлых министров иностранных дел, какие могут быть интересы у России, отличные от интересов США? При таком взгляде на позицию России то, что мы посчитали провалом российской дипломатии на Украине, начинает выглядеть по-иному. Никакого провала нет! Просто допущена небольшая оплошность: не на того олигарха сделали ставку; не столько заплатили, сколько следовало бы и кому следовало бы; не учли ещё каких-то «игроков», имеющих определённый политический и/или финансовый вес и т.п. Вот эти «мелочи» и надо учитывать в будущем, а не умствовать насчёт каких-то гипотетических общенациональных интересов, выявлять которые придётся с помощью научного анализа.

Мы считаем такую позицию губительной для России. Дипломат обязан быть готовым к тому, чтобы выступать на международной арене в качестве полноправного субъекта собственных действий, в которых представлен общегосударственный интерес, воспринимаемый им, однако, как личная задача. Дипломату необходимо самостоятельное мышление, способность творчески подойти к решению возникающих проблем и нести персональную ответственность за принятое решение. Этому нельзя *научить*, можно только *научиться* в творческом сотрудничестве с преподавателем. Подобно тому, как нельзя научить патриотизму, но можно и нужно воспитывать патриотов в совместной деятельности по преобразованию страны.

Именно такая совместная деятельность – творческая для обеих сторон –

должна составлять *основу* высшего образования, чем не умаляется значение многообразных знаний и умений, которыми должен овладеть студент. Напротив, полученные знания только тогда и придут в систему, когда у них будет мировоззренческий стержень. А для этого учащемуся надо не только выработать самостоятельную позицию, но и осмыслить её в понятиях. Выражаясь философским языком, студенту предстоит освоить операцию саморефлексии. К этому и готовит философия! Не совокупность знаний о жизни и творчестве философов, а саморазвитие мысли, к которому должен подключиться студент, – вот подлинная задача философских курсов.

Однако для её решения требуются кардинальные изменения политики в области образования, которые, в свою очередь, должны изменить положение и преподавательского состава, и административного аппарата, и студентов. Центр тяжести всей работы университета должен сместиться на учебный процесс, в котором предусматривалось бы время на индивидуальную и групповую работу со студентами. Такая работа не поддаётся формализации. Больше того, она требует от преподавателя значительно больших затрат времени и сил, и поэтому должна более высоко оплачиваться безотносительно к формальным показателям. Другими словами, принцип оплаты работы преподавательского состава необходимо изменить, как минимум, в двух аспектах:

- во-первых, надо отказаться от привязки зарплаты преподавателя к количеству студентов, обучающихся в вузе, то есть отменить принцип, из-за которого преподаватели вынуждены мириться с наличием неуспевающих студентов и с постоянно увеличивающейся педагогической нагрузкой, вопреки научно разработанным нормам;

- во-вторых, перестать считать количество студентов важным показателем работы вуза. Дипломатов нужно готовить столько, сколько нужно стране. Правда, для выполнения этих требований понадобится планирование, от которого пока

наши власти решительно отказываются. К тому же приоритет в выработке количественных и качественных показателей работы преподавателей должен принадлежать научно-преподавательскому сообществу, а не чиновникам. Увы! Пока наше государство выражает интересы скорее чиновничества, нежели рядовых граждан.

Без предлагаемых кардинальных изменений в области образования мы не решим проблему соотношения «творческого» и «исполнительского» начал в деятельности дипломатов. При этом мы не рассчитываем на полное устранение противоречий между этими сторонами деятельности. Речь идёт о том, чтобы по возможности не доводить ситуацию до крайнего обострения, результатом чего становятся сломанные судьбы отдельных людей, да и ущерб государству в целом. Смягчить ситуацию помогло бы разделение образования будущих дипломатических работников на полноценное высшее образование (получаемое в МГИМО) и среднее специальное, которое давал бы техникум, специализирующийся на страноведении со знанием соответствующего языка. В отличие от бакалавриата, считающегося первой ступенью высшего образования, учащиеся техникума изначально будут ориентироваться на получение именно среднего специального образования, не дающего права претендовать на высшие должности в МИДовской иерархии, а значит и на работу, требующую принятия самостоятельных решений.

Хочешь и можешь мыслить самостоятельно – поступай в МГИМО, для чего необходимо соответствовать повышенным требованиям не только при поступлении в университет, но и в процессе обучения. Если окажется, что человек переоценил свои возможности и ему не удаётся выработать самостоятельное аналитическое мышление, у него есть запасной вариант: понизить уровень своих претензий, обратившись в техникум, не порывая, однако, с однажды избранным направлением обучения.

Если же студент хочет и может получить полноценное высшее образование,

мы – преподаватели – обязаны готовить его к тому, что ему предстоит овладеть понятийным мышлением, поскольку в будущем ему придётся принимать решения, опираясь на самостоятельный анализ изучаемого процесса и его места в целостной картине действительности. Если по окончании университета выпускник получит менее значимую должность, не требующую от него творческого подхода к делу, он расценит это как подготовительный этап к деятельности более высокого порядка, к которой он в принципе готов и на которую вправе претендовать, когда обретёт необходимый опыт.

Разрешатся ли тем самым для каждого абитуриента проблемы выбора и получения образования? – Нет, конечно! А могут ли смысложизненные проблемы – даже теоретически рассуждая – разрешиться раз и навсегда? На то они и смысложизненные, чтобы каждый человек разрешал их сам для себя, на свой страх и риск. Неудачные решения всегда были и будут. И личных драм наверняка не удастся полностью избежать. Речь здесь идёт о создании максимально благоприятных объективных условий для того, чтобы абитуриент принял оптимальное решение, которое в дальнейшем позволило бы выпускнику занять достойное место в иерархии, наиболее полно соответствующее его желанию и возможностям. Это помогло бы ему избежать разочарования и в то же время принести пользу стране.

* * *

Итак, чтобы «сущее» образование дипломатов привести в соответствие с «должным», необходимо кардинальное изменение политики в области образования, которая, в свою очередь, связана с представлением о месте России в мире и о путях дальнейшего развития страны. Важным фактором перестройки образования стал бы отказ от формальных критериев работы преподавателя. Ведь результаты воспитательной работы не формализуемы, а образование соответствует своему назначению лишь

вкупе с воспитанием. Впрочем, надобность в формальных показателях если не отпадёт полностью, то значительно уменьшится, когда центр тяжести образовательного процесса будет, наконец, смещён с администратора на препода-

вателя. Если управлять образованием по-прежнему будет штат чиновников в противовес научно-педагогической обществу, положительных сдвигов в подготовке дипломатов ожидать не приходится.

Список литературы:

Бояринцев В.И., Самарин А.Н., Фионова Л.К. Разгром науки и образования – уничтожение России // Репутациология. 2010. №2. С. 56-74.

Литвак Н.В. Философия как общеобразовательная дисциплина. Опыт Франции: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2014. 92 с.

Панфилова Т.В. Какая образовательная стратегия не нужна России? // Философия и общество. 2011. №1. С. 5-16.

Панфилова Т.В. Реформирование высшего образования в России: демократизация или бюрократизация? // Общественные науки и современность. 2010. №4. С. 65-72.

Об авторах:

Панфилова Татьяна Васильевна – д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии им. А.Ф.Шишкина МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: panta@inbox.ru.

Самарин Анатолий Николаевич – к.ф.н., доцент кафедры философии им. А.Ф.Шишкина МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. Академик Российской академии естественных наук (РАЕН) и Международной славянской академии наук (МСА).
E-mail: ansam06@gmail.com.

Желудова Наталья Фёдоровна – ст. преподаватель кафедры философии им. А.Ф.Шишкина МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: natalja.2005@mail.ru.

EDUCATION FOR A DIPLOMAT: WHAT IS TO BE DONE AND WHAT EXISTS

T.V. Panfilova, A.N. Samarin, N.F. Zheludova

Abstracts. *The diplomat's situation is contradictory: a diplomat is an office employee and must obey the heads; at the same time Russian diplomat is a plenipotentiary of Russia in some other country. A diplomat must be ready to discharge its duties sensibly and responsibly. This duality makes a diplomat to be broad-minded capable to defend interests of Russia on the international arena. As a rule university entrants don't understand these difficulties. They enter MGIMO being guided by pragmatic considerations according to the ideals of consumerism which are imposed on the youth via mass media. The teaching staff must bring up students to respect substantial thinking and to think in concepts. The world-outlook grounding must be in the core of the diplomat's education. But the higher education reform does not solve this problem. The Bologna system undermines the very basis of the higher education as a qualitatively new level of specialists training. The teaching staff is put in*

a conflict position: as MGIMO employees they must fulfill the requirements of the Ministry of Education although they provide the further formalization of studies; but knowledge of students prompts to lecturers how baneful such practice is.

Cardinal changes of the education policy are required. The studies including individual and group working with students must be in the center of all university working. Such working takes much more time and strength. So it must be highly paid for regardless of the formal showings. Working-out of the quantitative and qualitative indexes must be mainly the matter of association of scholars and lecturers instead of functionaries. For the present our state represents the interests rather of the officials than of the ordinary citizens.

Key words. *Diplomat, office employee, self-dependence thinking, ability to decide, national interest, ideology of consumerism, education reform, formalization, education policy.*

References:

Bojarintsev V.I., Samarin A.N., Fionova L.K. Razgrom nauki i obrazovaniya – unichtozhenie Rossii [To destroy science and education means to annihilate Russia]. *Reputatsiologiya – Reputiology*, 2010, no. 2, pp. 56-74 (In Russian).

Litvak N.V. *Philosophiya kak obscheobrazovatel'naya distsiplina. Opit Frantsii: ucheb. posobiye* [Philosophy as a general subject. Experience of France: textbook]. Moscow: MGIMO-University, 2014. 92 p. (In Russian).

Panfilova T.V. Kakaya obrazovatel'naya strategiya ne nuzhna Rossii? [What kind of education strategy Russia does not need?]. *Philosophiya i obschestvo - Philosophy and Society*, 2011, no.1, pp. 5-16 (In Russian).

Panfilova T.V. Reformirovaniye visshogo obrazovaniya v Rossii: demokratizatsiya ili burokratizatsiya? [Higher Education Reform in Russia: Democratization or Bureaucratization?]. *Obschestvennye nauki i sovremennost - Social science and Contemporaneity*, 2010, no. 4, pp. 65-72 (In Russian).

About the Authors:

Tatiana V. Panfilova – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Philosophical Department, MGIMO – University, Moscow 119454, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: panta@inbox.ru.

Anatolij N. Samarin – PhD of Sciences (Philosophy), Assistant Professor of Philosophical Department, MGIMO-University. Moscow 119454, prospect Vernadskogo, 76. Academician of Russian Natural Sciences Academy and International Slavonic Academy of Sciences. E-mail:ansam06@gmail.com.

Natalja F. Zheludova – Senior Lecturer of Philosophical Department, MGIMO-University, Moscow 119454, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: natalja.2005@mail.ru.